«С Поясом не по Пути?»: Что происходит с реализацией проектов КНР в Центральной Азии

Еще два года назад одной из самых активных тем для обсуждения в медиапространстве государств Центральной Азии была реализация китайской Инициативы «Пояса и пути»: какие предприятия китайцы «переносят» в страны региона, что строится на деньги Эксимбанка Китая и на какие кредиты «подписались» правительства. В период пандемии по понятным причинам многие мировые проекты были поставлены на паузу. Произошло ли это с китайским «Поясом и путем»? Почему несколько месяцев на казахстанско-китайской границе стоят очереди из грузов на выезд в #Китай, и как изменилась китайская экономическая политика в Центральной Азии? Об этом говорим с заведующей сектором постсоветских исследований ИМЭМО им.Е.М. Примакова РАН Кузьминой Еленой Михайловной.

— С Поясом не по Пути? Что происходит с реализацией проектов КНР в Центральной Азии? В ноябрьской Резолюции Центрального Комитета Коммунистической партии Китая вопрос «Пояса и пути» упоминался как бы вскользь. Это вызвано постпандемийным эффектом на КНР?

– Я думаю, что здесь сложилось сразу несколько факторов, на которые Китай активно реагирует. И это не только вызовы пандемии, но и противодействие, которое Китаю оказывают Соединенные Штаты Америки.

Кроме того, еще до пандемии Китай перешел на следующий этап реализации Инициативы «Пояса и пути». С самого начала власти КНР обозначали, что она направлена не только на строительство инфраструктуры, но и на создание производств на территории

стран-участниц. Не секрет, что у большинства экспертов, особенно журналистов, китайская инициатива ОПОП (полное название – «Один пояс, один путь») идентифицируется только с инфраструктурными проектами, так что китайцы хотели отойти от сложившейся тенденции.

Если сосредоточиться на последней резолюции ЦК КПК, то надо отметить, что про ОПОП все-таки упомянули – и это уже важно. Это значит, что программа не сворачивается. Но страна ставит перед собой новые задачи, модернизированные под сегодняшнюю ситуацию: экономическую, политическую и эпидемиологическую в том числе.

– Можно ли говорить о том, что Китай будет ориентироваться на восстановление собственной экономики, нежели на вложения в дальнейшую реализацию мегапроектов в рамках «Пояса и пути»?

– У Китая есть программа по преодолению дисбалансов внутри страны: между селом и городом, между доходами разных групп населения. Конечно, пандемия подтолкнула китайские власти активнее решать внутренние задачи.

Однако здесь есть такой интересный момент, как только любая страна достигает определённого экономического и политического уровня развития, она не может стопроцентно замыкаться на себе.

КНР, все-таки являясь первой экономикой мира, не может заниматься только своими проблемами. Она в силу объема своей экономики и внешнеполитических интересов проводит и будет проводить активное внешнее взаимодействие с другими странами, в том числе последовательно реализовать ОПОП.

Даже если мы посмотрим только на актуальную ситуацию с Афганистаном, то Китай заинтересован не только в купировании рисков, исходящих из страны, но и четко знает, какие активы приобрести.

– Восемь лет назад в рамках формулирования влияния «Пояса и пути» на Центральную Азию предполагалось, что будет использован не только транзитный потенциал региона, но увеличатся производственные мощности в странах ЦА, повысится роль региона на международном пространстве. Удалось ли добиться данный целей за эти годы?

– Основные задачи по созданию транспортной инфраструктуры в Центральной Азии Китай выполнил. Хотя есть еще маршруты через Афганистан, и они, как мы понимаем, сейчас на паузе.

Кроме того, у КНР несколько вариантов движения сухопутных путей: есть через Центральную Азию, через Россию и восточно-европейскую часть СНГ (Украину и Беларусь), есть через Кавказ – это все попытка диверсификации путей. Благо, что у Китая не исчерпаны финансовые возможности для разработки сразу нескольких маршрутов.

Не нужно забывать, что по сухопутным путям идет лишь определённая доля китайских товаров. Товары, которые выгодно возить по суше – это около 10-12% от всего объема оборота. На этот объем инфраструктура уже точно построена.

Направление ОПОП в Центральной Азии остается стратегически важным, так как все-таки КНР определяют регион как свое «подбрюшье». Китаю важно, чтобы страны ЦА были стабильными, а это достигается, в первую очередь, достойным экономическим уровнем государств. Во всем мире люди начинают возмущаться и требовать изменений в любых формах – радикальных или нерадикальных – только тогда, когда им нечего есть и нечем кормить детей.

Так что экономическая стабильность предполагает содействие развитию различных отраслей экономики, в том числе промышленных. Сейчас у Китая появилась еще одна задача – это качество рабочей силы в государствах Центральной Азии, достаточное,

чтобы размещать там свои производства.

– Интересно, что на совместных предприятиях с Китаем в Азербайджане почти нет китайских рабочих, а в Центральной Азии, наоборот, не раз возникали нарекания именно из-за «чужеземцев на таджикской, казахской или кыргызской земле» …

– Страны Центральной Азии сейчас сами более четко понимают, что им нужно от Китая, чем те же восемь лет назад. Государства региона четко формулируют свои интересы и требования к иностранной рабочей силе, к иностранным инвесторам, к тем производствам, которые планируется размещать на их территории. В новых реалиях эти требования уже появились и в законодательстве Казахстана, и Узбекистана, и Таджикистана. Хотя их экономики более слабые по сравнению с китайской, но государства осознают необходимость решения вопроса национальных кадров на иностранных производствах внутри своих стран. Китайцы на определенные национальные изменения реагируют спокойно и во многом их принимают.

Еще одно важное изменение с китайской стороны – это постепенный переход от кредитов к инвестициям в регионе. Причем инвестируют в большей степени китайские компании, а не привычные нам банки развития (Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Экспортно-импортный банк Китая и др.). Таким образом уменьшается нагрузка на центральноазиатские экономики. Китай начал перекладывать финансовую ответственность на свои компании, что говорит о зрелости китайской экономики.

– Однако, по сути, рынок как таковой в КНР – «дело партийное», система реализации экономических проектов за рубежом идет руками китайского государства, просто инструмент выбран соответствующий современным мировым реалиям…

– КНР в первую очередь нацелена на свои национальные интересы, развивает свою экономику и компании. Это соединяется с китайской внешнеэкономической стратегией. Так что задолго до того, как Китай начал входить в промышленность тех же стран Центральной Азии, производственную сферу государств, уже тогда у КНР была продумана концепция – как китайский бизнес и компании будут в последующем помогать реализовывать китайские интересы на местах.

– Премьер-министр Казахстана Аскар Мамин в ходе заседания Совета глав правительств ШОС обратился к китайским коллегам из-за ситуации с грузами на границе двух государств. И это уже не первое обращение казахстанского премьера к китайской стороне, предприниматели из РК терпят убытки долгое время. Как объяснить отсутствие подвижек в ситуации со стороны КНР?

– Китай всегда придерживался того, чтобы меньше пускать на свою территорию иностранных товаров. Если мы проследим за всей историей сотрудничества государств Центральной Азии с КНР, то у них практически все время было отрицательное сальдо в товарообороте в пользу Китая. Некоторые исключения составляет Туркменистан, и только потому, что у него очень специфичная структура торговли с китайской стороной.

Долгое время после 1991 г. в Китай ничего кроме энергоресурсов и металлов из региона не поставлялось. Так что тенденция, где Китай «отгораживается» от товаров определенного типа из ЦА была всегда. Сегодня проблема усилилась, и ее лишь частично можно оправдать эпидемиологической ситуацией.

Понятно, что это слабое оправдание, так как в Китай практически не идет импорт продуктов питания из того же Казахстана, чтобы мы говорили о каком-либо несоблюдении фитосанитарных или эпидемиологических норм. Скорее, Пекин добивается решения ряда спорных экономических вопросов в свою пользу.

– Как влияет ситуация в Афганистане и новые риски для региона на видение Китаем реализации своей Инициативы в Центральной Азии?

– Если мы говорим об экономических рисках, то Китай всегда очень внимательно следил за талибами и их активностью в Афганистане. Сейчас он достаточно эффективно для себя сотрудничает с правительством талибов в покупке тех или иных афганских активов. Дошло до того, что западные аналитики стали говорить, что Китай стремится заменить Запад в Афганистане. КНР же понимает, что ей нужен путь не только на Европу, но и на Индию или, так скажем, в сторону Индии, который зависит от ситуации в Афганистане. На этом направлении маршрута есть еще Иран, Пакистан.

С точки зрения политики, а не чистой экономики, Китай не вмешивается во внутренние

дела стран, того же талибского Афганистана. КНР не указывает на какие-то там политические, с ее точки зрения, несуразности, как это делают на Западе. При этом Китаю, с одной стороны, нужны стабильные пути, а с другой стороны, страна целенаправленно выстраивает свою лидерскую позицию в Азии, куда входит Афганистан. Есть еще измерение безопасности, которое важно для Китая. Речь идет о различных террористических организациях, которые имеют своих эмиссаров, в Афганистане – а это проблема влияния радикальных элементов на китайский Синьцзян, где китайцы всегда боролись с уйгурским сепаратизмом. Поэтому Афганистан на сегодняшний день – самая сложная часть и экономического пути, и пути безопасности для Китая в продвижении его инициатив в регионе.

Но в КНР считают, что многие вопросы можно решить экономическим путем. Чем стабильнее будет страна, тем меньше будет желания у людей заниматься зарабатывать на экстремизме.

Расшифровка текста: Кирилл ВОЩИНСКИЙ

Источник — Пояс и путь

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

23.12.2021